

УТВЕРЖДАЮ

Директор Института
лингвистических исследований РАН
академик РАН, доктор филологических наук
Н.Н.Казанский

14 апреля 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Галины Петровны Ивановой на тему «Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Г.П.Ивановой посвящено описанию полипредикативных конструкций в тех вепсских говорах, которые распространены на территории современной Иркутской области. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и 5 приложений. Общий объем работы – 294 с.

Научная новизна данной работы заключается в том, что синтаксис вепсского языка до настоящего времени остается довольно слабо изученным,

а вепские говоры, распространенные в Сибири, особенно говоры Кемеровской области, не только не описаны, но и задокументированы крайне скудно. Восполняя этот пробел, рецензируемая работа вводит новые данные по вепским говорам Иркутской области в научный оборот.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что эта работа является первым опытом применения к прибалтийско-финским языкам теории полипредикативного синтаксиса, разработанной исследователями новосибирской синтаксической школы первоначально на материале тюркских языков Сибири.

Актуальность работы обусловлена тем, что любая работа, посвященная плохо документированным сибирским вепским говорам, существенно расширяет наши знания о них. Следует также отметить, что синтаксис вепского языка к настоящему времени изучен гораздо хуже фонологии и морфологии, тогда как данная диссертационная работа вносит определенный вклад в его изучение. Кроме того, вепский язык в целом и его сибирские говоры в особенности находятся в состоянии далеко зашедшего языкового сдвига, и существует настоятельная необходимость описания сибирских вепских говоров, пока для этого еще есть возможность.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования богатого материала, представленного в диссертации, в исследованиях по синтаксису прибалтийско-финских языков, при разработке вузовских курсов по прибалтийско-финским языкам, при составлении учебных пособий по вепскому языку.

Материалом для исследования послужили как собственные полевые материалы автора, так и примеры, взятые из работ предшествующих исследователей и из опубликованных ранее вепских текстов. Г.П.Иванова совершила 7 экспедиций к иркутским вепсам в период с 2006 по 2013 года; в 2012 году она собирала материал в дер. Пондала (Вологодская область), откуда происходит значительная часть вепсов-переселенцев начала XX века, основавших вепские поселения в Иркутской области.

Структура работы продумана и отвечает целям диссертационного исследования. Автореферат и публикации Г.П.Ивановой в полной мере отражают основное содержание диссертации. По теме диссертации автором было опубликовано 7 работ, в том числе 4 – в журналах, рекомендованных ВАК.

Как уже было отмечено выше, работа Г.П.Ивановой – это первый опыт применения теории полипредикативных конструкций к прибалтийско-финским языкам. Эта теория, разработанная новосибирскими исследователями на материале сибирских тюркских языков, была успешно применена Г.П.Ивановой для описания полипредикативных конструкций вепсского языка. Следует отметить, что в данной работе дается не только полная структурная и семантическая классификация полипредикативных конструкций, но и проводится их сравнение с аналогичными конструкциями ряда других прибалтийско-финских языков – финского, эстонского, карельского и водского.

Во Введении даются краткие сведения о вепсах, о районах их расселения, о степени владения вепским языком, о диалектном членении вепсского языка, дается краткий обзор работ предшественников по вепсскому языку.

Первая глава состоит из 4 параграфов. Первый параграф посвящен описанию социолингвистической ситуации в вепсских деревнях Иркутской области, а также диалектных особенностей иркутских вепсских говоров. Автор диссертационной работы сравнивает иркутские говоры с пондальским, указывая на различия между ними. Развивая эту тему, отметим, что в некоторых случаях, когда между пондальским и сибирским говорами есть различия, сибирские варианты оказываются ближе к войлахтскому говору. В частности, показатель 3PI настоящего времени в пондальском имеет варианты *-tas/-das* и *-ba*, а в сибирском и войлахтском – только первый вариант; показатель причастия в аналитической отрицательной форме прошедшего времени в сибирском имеет два варианта – *-ni* и *-nd*, в

пондальском представлен первый вариант, а в войлахтском – второй. К сожалению, в планы автора не входило рассмотрение вепсского говора Кемеровской области (дер. Кузедеево), хотя привлечение материалов данного говора, вне всякого сомнения, украсило бы рецензируемую работу.

Во втором параграфе первой главы кратко излагаются основные положения теории полипредикативных конструкций, разрабатываемой новосибирской синтаксической школой. Из финно-угорских языков ранее в рамках этой традиции были описаны полипредикативные конструкции только в двух угорских языках – мансийском (в работах Е.К.Скрибник) и хантыйском (в работах Н.Б.Кошкаревой и Е.В.Ковган). Следует отметить, что среди проанализированных подобным образом самодийских языков автор не упомянул энецкий, хотя для него подобное описание полипредикативных конструкций было выполнено И.П.Сорокиной.

В третьем параграфе Г.П.Иванова дает краткий обзор вепсской глагольной морфологии, при этом используется та же терминология, что и в грамматических описаниях финского литературного языка. Касаясь показателя пассивного причастия *-tut*, Г.П.Иванова присоединяется к мнению Э.А.Тункело о наличии с диахронической точки зрения в составе данного аффикса показателя партитива *-t*. Однако обоснованность выделения этого аффикса с синхронной точки зрения вызывает сомнения. Встает вопрос – есть ли другие падежные формы у пассивного причастия или же даже выступая в качестве определения, оно имеет всегда одну и ту же неизменяемую форму? Если верно второе, то тогда с синхронной точки зрения показатель *-tut* является уже неделимым. Следует отметить, что, судя по примерам (32) – (35) на с. 56, это причастие может употребляться в качестве зависимого предиката в полипредикативных конструкциях. Остается непонятным, почему автору данной диссертации важно наличие падежного аффикса при пассивном причастии – ведь в качестве зависимого предиката могут встречаться и застывшие неизменяемые формы типа русских деепричастий или узбекских деепричастий/конвербов на *-гали* и *-гач*.

Отметим также, что в эстонской грамматической традиции выделять показатель партитива в аффиксе *-tud* не принято.

В четвертом параграфе автор обсуждает критерии выделения структурных типов полипредикативных конструкций в вепсском языке. Интерес представляют примеры (42) – (44); в частности, было бы желательно более подробное описание правил употребления притяжательных аффиксов в рассматриваемой конструкции, поскольку в примере (42) притяжательный показатель соотносится с объектом главного предиката, а в примере (43) – с субъектом.

Вторая и третья главы посвящены описанию вепсских полипредикативных конструкций и сравнению их с соответствующими конструкциями в финском, эстонском, карельском и водском языках, причем во второй главе эти конструкции сгруппированы по структуре, а в третьей главе – по семантике. В этих главах содержится богатый материал, собранный автором во время полевой работы. Самыми употребительными конструкциями в исследуемых говорах оказались конструкции с 1 инфинитивом и иллативом 3 инфинитива, причем чаще всего такого рода конструкции используются для выражения цели. Конструкции с причастиями обычно используются в определительных конструкциях, а с пассивным причастием – еще и в темпоральных конструкциях. Автор отмечает, что конструкции с элативом и адессивом 3 инфинитива в сибирских говорах не встречаются, в отличие от пондальского говора, где они, по крайней мере, опознаются информантами (с.80). При описании конструкций с причастиями автор отмечает, что активные причастия согласуются по падежу с определяемым именем, однако приводит примеры только на аккумулятив и партитив (с. 81 – 82). Было бы целесообразно привести и хотя бы один пример на согласование с одним из пространственных падежей. На с.100 в табл. 2 автор сравнивает функции вепсских и финских причастий. Остается не совсем ясным, что имеет в виду автор под причастием агента в вепсском языке, поскольку в конструкциях, аналогичных финской *minun lukemani kirja*

‘прочитанная мною книга’ в вепсском языке используется обычное пассивное причастие на *-tut*. На с. 111 в табл. 3 сравниваются функции инфинитивов в вепсском, финском, эстонском, карельском, водском языках. В этой таблице вызывает вопросы упоминание инструктива второго инфинитива в вепсском языке, на который в тексте диссертации нет ни одного примера. Вызывает возражения и сопоставление водского инфинитива на *-ta* с вторым, а не с третьим инфинитивом в других языках. На наш взгляд, неудачная терминология, используемая некоторыми исследователями водского языка по отношению к инфинитиву на *-ta* («второй инфинитив»), связанная с полным исчезновением в современных живых водских говорах старых форм 2 инфинитива, соответствующих эстонским формам на *-des*, не должна служить основанием для такого сопоставления. Иными словами, в современных водских говорах есть только 1 и 3 инфинитивы, но отсутствует 2 инфинитив.

Обсуждая условные конструкции, автор отмечает отсутствие в сибирских говорах аналитических форм кондиционала (с. 193). Интересно отметить, что в идиоме сибирских ингерманландцев, исследованном Д.В.Сидоркевич, напротив, исчезла синтетическая форма кондиционала.

На с. 248 автор обсуждает иерархию доступности именных групп для разных стратегий релятивизации, предложенную Э.Кинэном и Б.Комри. В качестве контрпримера приводится пример (511) *koir ajanudon iżandan elab tecas* ‘собака уехавшего хозяина живет в лесу’, однако в данном случае релятивизации подвергается не посессор, а агенс (=собака хозяина, который уехал...). В качестве примера релятивизации посессора можно привести пример (517), однако в нем используется другая стратегия. Не совсем ясным является и пример (515); словоформа *kudambui* – это адессивная форма, и не совсем понятно, почему она должна иллюстрировать релятивизацию именной группы с предлогом.

В заключении суммируются основные результаты, полученные Г.П.Ивановой. Автор отмечает, что лучше всего синтетические

полипредикативные конструкции сохраняются в прибалтийско-финских языках с длительной литературной традицией – финском и эстонском, в то время как в младописьменных и бесписьменных языках, находящихся под угрозой исчезновения, синтетические конструкции заменяются аналитическими. Интересно отметить, что около трети аналитических конструкций, по данным автора диссертации, составляют бессоюзные бифинитные конструкции. Возникает вопрос – можно ли этот факт считать изменением в языковой системе в процессе языкового сдвига?

Не совсем точным представляется один из выводов автора в самом конце заключения на с. 262 – 263. В частности, понятие «языковой сдвиг» означает в первую очередь переход языковой общности на другой язык, а не только явления интерференции, которые обычно сопровождают его. Нарастание же флективности в прибалтийско-финских языках отнюдь не связано с языковым сдвигом и возникло уже достаточно давно. Наоборот, в тех языках, которые в настоящий момент находятся под угрозой исчезновения, происходят процессы выравнивания парадигм по аналогии, что приводит не к уменьшению, а к увеличению агглютинативных черт в этих языках

Приложения к работе содержат список условных сокращений, 7 текстов на сибирских иркутских говорах (5 из них прогlossированы), краткие сведения о грамматике вепсского языка в виде таблиц с парадигмами именного и глагольного словоизменения, список источников и список информантов.

Библиография содержит 179 работ на русском, венгерском, вепсском, финском, эстонском, французском, шведском, немецком и английском языках. Помимо этого, особо выделены 14 источников, примеры из которых были использованы автором в диссертационной работе.

Выше мы перечислили замечания, относящиеся к отдельным главам. Помимо этого в работе имеется ряд недочетов и неточностей технического характера, относящихся ко всей работе в целом.

Прежде всего обращает на себя внимание непоследовательное глоссирование. Вепсский язык, как и другие прибалтийско-финские языки, довольно далек от агглютинативного эталона, и проведение морфемной границы в ряде случаев сопряжено с трудностями. Большая часть такого непоследовательного глоссирования как раз и связана с разным членением на морфемы одних и тех же словоформ. В качестве примеров можно привести словоформу *oli*, глоссированную как *ol-i-ø* **быть-Impf-3Sg** на с. 224 в примере (433) и как *oli-ø* **быть-Impf/3Sg** на с. 278; в данном случае правильным является первый вариант. В некоторых случаях к падежному аффиксу автор ошибочно относит и часть основы, например *ez'mä-izen* **первый-Gen**, *kerd-an* **раз-Gen** на с. 276; в обоих случаях показателем генитива является *-n*, правильное разбиение на морфемы должно выглядеть так: *ez'mäize-n*, *kerda-n*.

Еще один пример непоследовательного глоссирования – это аккузатив. В вепсском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, тотальный объект в единственном числе маркируется так же, как генитив, а во множественном числе – как номинатив. Существует два возможных подхода к описанию падежной системы: 1) не вводить особый падеж аккузатив – такой подход принят в грамматических описаниях эстонского языка, в этом случае глоссы **Acc** не должно быть, и 2) ввести аккузатив, который всегда будет совпадать либо с номинативом, либо с генитивом (в финском языке у личных местоимений аккузатив имеет особую форму) – такой подход применяется в грамматических описаниях финского языка. Однако если в самом тексте диссертации автор придерживается «финского подхода» (см. например глоссирование в примерах (384) или (435)), то в текстах в конце диссертации прямой объект глоссируется генитивом в соответствии с «эстонским подходом». В данном случае необходимо было выбрать какой-то один подход, и придерживаться его на протяжении всей диссертации.

Особая проблема встает в связи с глоссированием форм единственного числа и настоящего времени. Возможны два подхода: 1) поскольку данные

формы являются немаркированными, то можно не указывать в глоссах **Sg** и **Prs**; 2) можно ввести нулевые аффиксы единственного числа и настоящего времени и учитывать такие нулевые аффиксы в разбиении на морфемы. Однако глоссирование словоформы *koivu-lo* из примера (47) на с. 60 как **береза=Allat/Sg** представляется не совсем корректным, поскольку аффикс аллатива не зависит от числа. Впрочем, уже в следующем примере (48) похожая иллативная словоформа глоссируется по способу 1. Встречаются также и отдельные случаи неправильного глоссирования по числу – на с. 276 словоформа *naroda-lo* глоссируется как **люди-Allat/Pl**, хотя на самом деле это форма единственного числа.

В ряде случаев в словоформах ошибочно постулирована нулевая морфема. Так, в примере (65) из водского языка аллатив личного местоимения *miä* ‘я’ глоссирован как *mill-ø* **я-Adess**, хотя в нем легко выделяется аффикс аллатива *-ll*, следовательно, правильное разбиение на морфемы должно быть таким: *mi-ll*. В примере (97) в словоформе *tegeso* ‘стал, сделался’ может быть выделен аффикс и основа – *tege-so*, в примере (20) *teg-ihe-ø* **делать-Impf-3Sg** следует выделить показатель имперфекта *-i* и показатель 3Sg рефлексивного спряжения *-he*, нулевой аффикс здесь постулировать нет необходимости. В формах аллатива (*miniin* ‘мне’) и адессива (*minain* ‘у меня’) автор диссертации выделяет основы *mini-* и *mina-* и нулевые падежные показатели, хотя в данном случае было бы корректнее либо выделить показатели *-i-* и *-a-*, либо глоссировать так: *mini-in* **я.Allat-1Sg**. В примере (145) *elää* ‘живет’ нет никакой необходимости постулировать нулевую морфему 3Sg, поскольку данное значение передается удлинением гласной, в данном случае лучше глоссировать эту словоформу так: **жить.3Sg.Prs**. Следует отметить, что в тех случаях, когда одна морфема выражает несколько значений, их принято соединять точкой, а не косой чертой /, как это сделано в рецензируемой работе.

В отдельных случаях для некоторых морфем даются неправильные глоссы. Так, морфему *-goi* в отрицательной форме имперфекта *ii käu-ni-goi*

‘не ходили’ в примере (20) корректнее глоссировать как показатель мн.ч. коннегатива, а не 3Pl имперфекта, как это сделано автором. Аналогичным образом в примере (107) *en voi-ø* ‘не могу’ нулевую морфему не следует глоссировать как 1Sg настоящего времени, а лучше глоссировать ее как ед.ч. коннегатива. В предложении (9) на с. 278 супплетивную словоформу *linnen* ‘буду’ лучше глоссировать так: **быть.Fut-1Sg**, поскольку это форма будущего, а не настоящего времени. В примере (137) словоформа *tuoppia* ошибочно глоссирована как аккузативная, хотя на самом деле она содержит показатель партитива. В примере (279) ошибочно выделен показатель генитива в словоформе *vaimonsa* – там есть только посессивный показатель 3 лица *-nsa*.

В водских примерах встречается потеря диакритик, указывающих на долготу или на заднерядность гласного, см. примеры (398) и (399). Отметим, что для водских примеров можно было бы использовать принятую в Vadjakkeelee *sõnaraamat* систему записи, где долгие гласные передаются двумя буквами, а заднерядное соответствие Е – графемой Õ.

Встречаются также и опечатки, как, например, в примере (148) *lätheminen* вместо правильного *lähteminen*, и неточные переводы – в примере (152) глагол *herätä* следует глоссировать «пробудиться», а не «воскреснуть».

Тем не менее, указанные выше недочеты не влияют на общую положительную оценку данной работы. Диссертация Г.П.Ивановой является значительным научным достижением и открывает перспективы для дальнейших исследований по синтаксису вепсского языка, поскольку в ней представлен исчерпывающий список разных типов полипредикативных конструкций, существующих в настоящее время в двух вепсских говорах, тщательно проанализирована семантика изучаемых конструкций и даны сведения об употребительности разных типов полипредикативных конструкций. В диссертации использован как собственный полевой материал автора, так и примеры, специально отобранные из работ предшественников. Следует также отметить, что рецензируемая диссертация является одной из

немногих работ, посвященных переселенческим сибирским говорам прибалтийско-финских языков.

Работа Галины Петровны Ивановой «Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками)» безусловно вносит существенный вклад в изучение прибалтийско-финских языков и представляется весьма важной для исторической лингвистики и типологии. Диссертация соответствует п. 7 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии. Диссертация несомненно соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук.

Отзыв подготовлен старшим научным сотрудником ИЛИ РАН, кандидатом филологических наук Мехмедом Закировичем Муслимовым. Отзыв обсужден и утвержден на заседании отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН 14 апреля 2015 г. (протокол № 2).

Заведующий отделом языков народов России
Института лингвистических исследований РАН
член-корреспондент РАН
доктор филологических наук

Подпись *Е. В. Головки*
удостоверяю
ст. референт ИЛИ РАН

Е. В. Головки

